

Н. Д. Никандров¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ОДИН МИФ ПОРОЖДАЕТ ДРУГОЙ

О глобализации написано столько, что, кажется, трудно что-либо добавить. Многочисленные публикации, оригинальные и обзорные, прослеживают ее с незапамятных времен, со времен античного мира. Ведь и тогда, и даже раньше были и миграция населения, и соответственно обмен идеями, изобретениями, технологиями, экономическими инструментами. Масштабы, разумеется, были другими. Где-то в середине XX века количественные изменения как-то «сами собой» переросли в качественные, и применительно к современности именно это время чаще всего связывают с реальным началом глобализации как процесса, охватившего всю планету и практически все сферы деятельности.

Ретроспективно рассматривая эти процессы и делая акцент прежде всего на экономической стороне дела, современные исследователи спорят о плюсах и минусах глобализации, о том, благо это или бедствие, увеличивает ли она бедность в мире или, напротив, уменьшает ее. Так, например, в конце 1990-х К. Анан, тогда генсек ООН, говорил, что «миллионы и миллионы граждан убеждаются на собственном опыте, что глобализация не подарок судьбы, а сила

разрушения, подрывающая их материальное благополучие или их привычный образ жизни»². В том же ключе высказывался лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц, утверждавший в книге с показательным названием «Большое разочарование», что глобализация не срабатывает для бедных планеты и для стабильности мировой экономики³. Легко найти и высказывания в противоположном духе, особенно те, которые так или иначе отражают интересы финансовых кругов и транснациональных корпораций. Например, в 2002 году Мировой банк утверждал на первой же странице подготовленной им книги, что «в целом глобализация позволяет уменьшить бедность»⁴. Но и те исследователи, которых трудно заподозрить в лоббировании этих интересов, в том числе занимающиеся гуманитарной сферой, например образованием, нередко видят прежде всего плюсы глобализации, отмечая и ее минусы⁵.

В рамках статьи мы не будем вмешиваться в этот спор по финансово-экономическим вопросам. Достаточно иметь в виду, что 1) это — именно спор, никто не привел однозначных и общеприемлемых аргументов за или против; 2) следует различать идеологические аргументы и реальные результаты; 3) экономика так или иначе влияет и на все другие стороны деятельности людей; 4) как экономическая мощь нередко выражается в экономическом империализме,

¹ Президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 300 научных работ, в т. ч. монографий: «Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий», «Воспитание ценностей: российский вариант», «Перспективы развития образования в России», «Воспитание и социализация в современной России: риски и возможности»; учебных изданий: «Общие основы педагогики», «История педагогики», «Педагогика высшей школы», «Организация учебно-воспитательного процесса в педагогическом институте», «Введение в специальность». Член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Лауреат премий Президента РФ и Правительства РФ в области образования.

² См.: Известия. 1998. 22 авг.

³ Stiglitz J. E. La grande disillusion. P., 2002. P. 280.

⁴ Mondialisation, developpement et pauvreté. Washington, 2002. P. 1.

⁵ См.: Мясников В. А., Найденова Н. Н., Тагунова И. А. Образование в глобальном измерении. М., 2009.

так можно говорить и говорят — о культурном империализме, навязывании мощными (не обязательно в культурном отношении) странами культурных образцов странам, экономически менее мощным.

Нас будет интересовать глобализация в гуманитарной сфере, в сфере культуры, науки, образования. При этом помним, конечно, что все созданное человеком (в том числе и наука, и образование, и весь образ жизни) есть культура в ее широком понимании. Но кое-какие идеи и имена из социально-экономической и политической области стоит все же вспомнить, поскольку они (люди и идеи) фактически достаточно давно обозначили тенденцию развития и в гуманитарной сфере.

Речь идет о понятиях конвергенции и идеологии. Обе идеи возникли в середине XX века. Прежде всего стоит вспомнить работы Д. Белла, родившегося в 1919 году и здравствующего поныне. В некотором смысле его судьба и идейная трансформация хорошо иллюстрирует мысль мудрого премьер-министра Франции Ж. Клемансо: «Кто в молодости не был радикалом, тот не имеет сердца. Но кто в старости не стал консерватором, тот не имеет головы». В самом начале 1960-х годов Д. Белл обосновал концепцию деидеологизации, согласно которой социальные конфликты затухают, классовая борьба уходит в прошлое, общества идут к согласию. Но очень скоро в знаменитой книге «Конец идеологии. Об истощении политических идей в пятидесятых» он уже отказывается от идей деидеологизации, напротив, говорит о важности идеологий, особенно религии¹. Позднее ученый обосновывает более мягкие идеи постиндустриального общества, еще позднее приходит к либеральному консерватизму.

Но дело, конечно, не только в формуле Клемансо о естественном возрастном развитии человека и его идей. На самом деле многие и по многим показателям уже вскоре после возникновения идей деидеологизации, с которыми связывались радужные ожидания вселенского согласия, с сожалением — или просто сообразуясь с реальностью — отказывались от этих идей. То же произошло и с конвергенцией, идеей сближения стран, экономик и идеологий, известным сторонником которой в 1970-х годах в СССР был А. Д. Сахаров. Надежды здесь явно опережали реальность. Примерно так же развивались и идеи глобализации, возникшие в середине XX века.

В относительно краткой статье предаваться воспоминаниям личного порядка не принято. Но сделаю исключение, причина которого будет ясна из последующего изложения. Как раз к тем временам относится увлечение автора изучением иностранных языков. Соответственно, я очень внимательно и часто слушал чужие («чуждые», «вражеские»?) радиоголоса. Нередко на русском языке, что было не просто из-за глушения, чаще — на нескольких иностранных, которые с усердием изучал. При этом идеологополитическая сторона передач меня первоначально мало интересовала — я был вполне нормальным и обыкновенным советским человеком, патриотически настроенным. Тем не менее время, проведенное

¹ См.: *Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties.* N. Y., 1965.

за радиоприемником, подвело меня к рассуждениям идеологического свойства. Я с удивлением (тогда, теперь уже давно не удивляюсь) обнаружил, что при всем разнообразии радиостанций, характера передач, их тематики и языков по всем основным вопросам политико-идеологического свойства совершенно прозрачной была близость, нередко идентичность оценок, аргументов и даже приводимых примеров. Это касалось положения дел внутри и вокруг СССР, советского строя, политики СССР в самом широком плане. Разумеется, в других вопросах, мало или менее влиявших на политический менталитет (слово это, впрочем, тогда почти не употреблялось), были и разнообразие, и полемика.

Привыкнув к некоторым передачам и именам, я научился заранее предсказывать, что, кто и где скажет по тому или иному вопросу. Первоначально мне это было просто забавно как своего рода интеллектуальное упражнение. Потом понял, что это и есть самое реальное отражение идеологической борьбы: оценка определялась не реальным положением вещей, не здравым смыслом и логикой, а тем, как эта формируемая оценка вписывается в общий идеологический конструкт человека — организации — радиостанции — общества — государства.

Разумеется, я и тогда знал половицу, согласно которой музыку заказывает тот, кто платит. Понимал и то, что плата отнюдь не обязательно должна быть в рублях, долларах или иной валюте. Это может быть плата разного рода услугами, устройством на работу или сохранением на рабочем месте, безопасностью собственной или близких и т. д. Соответственно невозможна и подлинная — абсолютная — независимость. Кроме грубых или мягких рычагов давления (скажем мягче — влияния) есть еще и самоцензура — часто самое надежное средство, позволяющее «и невинность соблюсти, и капитал приобрести».

Конечно, нам всем известны примеры, когда люди в разных ситуациях действительно выражают свою точку зрения, несмотря на возможные или несомненные риски разного рода; рискуют при этом благополучием, свободой и даже жизнью. Но речь идет не о примерах, пусть многих, а о типичном поведении работников «гуманитарного фронта» (особенно СМИ) тех времен и, самое главное, времен наших, поскольку в своей основе ситуация изменилась крайне мало. И сказано это не с осуждением, а с пониманием — такова жизнь. В 1930 году К. Скотт, редактор газеты «Манчестер гардиан», написал историческую фразу, изящный и остроумный афоризм: факты священны, их толкование свободно. Но все последующие годы только подтвердили, что разделить факты и аргументы, факты и их толкование можно во времени и пространстве (например в разных передачах или их разных частях), но общая идеологическая картина, общий посыл всегда однозначна. То, что это так, хорошо показано во многих работах². В некоторых случаях какие-то вопросы пиара (даже чер-

² См., например: *Запесоцкий А. С.* Образование и средства массовой информации как факторы социализации современной молодежи. СПб., 2008; *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М., 2002; *Никандров Н. Д.* Черный пиар: пособие для журналистов, читателей и слушателей. М., 2007; *Ольшанский Д. В.* Политический PR. СПб., 2003.

ного) поддаются правовому регулированию¹, чаще речь идет о регулировании нормами морали и законами рынка, которые плохо гармонизируются и нередко контрастируют.

С учетом сказанного легко понять, что гуманитарная сфера, то есть все созданное для влияния на культуру, нравственность, менталитет, лояльность, поведение человека, «нагружена» идеологией, использует — не может не использовать — идеологические формулировки, мифы и штампы. Это, в свою очередь, во многом определяет общий посыл статьи, книги, фильма, телепередачи, телеканала, в конечном счете — любого произведения культуры, а значит, направление и результаты социализации человека. Именно поэтому специалисты говорят о «дисфункции», «деформации» институтов социализации². Полагаю, вполне можно говорить о большем — о том, что воспитание (то есть процесс, специально организованный в школе, вузе и т. д.) и социализация (воспитание жизнью) работают не только не в сотрудничестве, но в противофазе и противостоянии. Это приводит к потере человеком собственной идентичности, делая его более зависимым от внешних факторов и влияний³. В частности и в особенности — от влияния СМИ⁴.

Иногда говорится, что средства массовой информации лишь отражают ситуацию в обществе, но не определяют ее. Однако они формируют восприятие ситуации и тем самым часто и во многом творят ее. Еще в 1928 году была сформулирована так называемая «теорема Томасов»: если люди считают ситуацию кризисной, то ее последствия будут представлять собой реальный кризис⁵. Много позднее Д. Макквейл вывел интересное следствие общего порядка из этой, казалось бы, относящейся только к психологии теоремы. Это следствие — о «провокационной» роли СМИ: если Си-эн-эн называет ситуацию кризисной, то она действительно станет кризисом со всеми его последствиями⁶. И если даже не воспринимать ни теорему, ни следствие на уровне определенности математической теоремы, тенденция, полагаю, схвачена верно.

Поскольку нас прежде всего интересует положение дел на нашей Родине, в России, для подтверждения сказанного необходим анализ того потока информации, который циркулирует внутри страны и направлен на нее извне. Что касается внутреннего потока, мне бы хотелось положиться на опыт читателя, который читает книги, газеты и журналы, смотрит телевидение, слушает радио, со всех сторон окружен рекламой и даже иногда ходит в кино. По упомянутой выше причине за более чем 50 лет у автора на-

копился достаточно представительный опыт анализа этого потока из разных стран и на разных языках. Рамки статьи слишком узки для сколько-нибудь значимого набора примеров из «доказательной базы». Поэтому лишь перечислю те посылы, которыми нагружен глобальный поток информации, закончив это перечисление тем, что идет извне. Последнее желающие могут проверить, посмотрев зарубежные телеканалы и послушав зарубежные телепередачи на иностранных или на русском языках, что сейчас вполне доступно. Самым представительным и простым примером были бы передачи радио «Свобода», которая с 1 марта 1953 года финансировалась ЦРУ, а с 1971 года финансируется Конгрессом США.

Итак, каковы же посылы («контент») и те средства, которыми они доносятся до нас (своего рода «несущие частоты»)?

1. Негатив и зло в мире преобладают над добром. Средства — преобладание негатива в информационном потоке, особенно в кратких новостях.

2. Наш мир есть мир насилия (физического, военного, сексуального, психологического), противостояния и соперничества, что естественно. Средства — натуралистический показ насилия с использованием всех текстов, аудио- и видеосредств. Отметим, что, по данным исследований, такая демонстрация насилия даже «в борьбе за правое дело», например в борьбе с преступностью, у всех вызывает повышенную психологическую тревожность, у детей и людей с неустойчивой психикой возможно подражание в средствах и «методике» применения насилия.

3. Основной (сексуальный) инстинкт — действительно основа всего. Здесь трудно определиться с «нормой доступности», но, по многим данным, мы сейчас в этом отношении практически «впереди планеты всей». Средства те же — натуралистический показ, а также реклама сексуальных услуг и различных товаров на фоне сексуальных элементов видеоряда. Дополнительные «благоприятные возможности» здесь дает Интернет.

4. Культ «красивой жизни», богатства вообще и денег в частности естествен и необходим, «воспитание разумных потребностей» — пережиток коммунистических времен, высшие (духовные) потребности — либо от скудости, либо от глупости. Средства — демонстрация в связанных сюжетах и без сюжета.

5. Рынок правит миром, причем не только экономикой, но и всеми взаимоотношениями людей. Средства — вербальное и образное (аудио, видео) убеждение, что все продается и покупается, включая рыночный словарь применительно к человеку (например покупка, аренда, обмен спортсменом).

6. Конкуренция и соревнование за выгоды и ресурсы естественны, взаимопомощь и тем более альтруизм — исключение, удел оригиналов и святых («бери от жизни все»). Средства — подбор и частое повторение соответствующих сюжетов, а также указанные в п. 5.

К этим посылам и средствам глобального плана добавим то, что идет на Россию извне.

7. Российские власти всех уровней не заботятся о народе и в высокой степени коррумпированы. Они были лучше в 1990-е годы (то есть когда соглашались

¹ См.: Дорский А. Ю. Правовое обеспечение PR. СПб., 2005.

² См.: Гатальский В. Д. Педагогика профилактики и коррекции девиантного поведения учащейся молодежи. СПб., 2009.

³ См.: Проблемы идентичности в трансформирующемся российском обществе и школа / В. А. Лекторский [и др.]. М., 2008.

⁴ См.: Занесоцкий А. С. Указ. соч.

⁵ См.: Thomas W., Thomas D. The child in America. Behavior problems and programs. N. Y., 1928.

⁶ См.: McQuail D. Media performance: mass communication and the public interest. L., 1993.

на все, чего требовали США. — *Н. Н.*) Средства — подчеркивание соответствующей новостной информации, более частое повторение таких новостей в программах, специальные передачи для «концентрации» негатива подобного рода, особенно с привлечением радиослушателей. Особенно «полезен» для этого жанр ток-шоу (в народе — «треп-шоу»). Причем расчет (вполне правильный) делается на то, что особенно активно звонить будут люди, имеющие реальные проблемы на житейском, бытовом уровне, в то время как в целом удовлетворенные обычно относятся к «молчаливому большинству».

8. Российская армия, милиция, вообще все органы правопорядка антинародны, жестоки и коррумпированы. Средства — активный подбор соответствующих сюжетов, частый их повтор в общенациональных и специальных программах.

9. Гражданский патриотизм в России если и был возможен (например во время Великой Отечественной войны), то сейчас характер отношения народа и власти делают его реально невозможным. Средства — соответствующее толкование реальных событий, выступлений правозащитников, дегероизация (развенчивание героев прошлого), чужой патриотизм (сюжеты о маскулинности, героизме и мужестве высших представителей власти и правоохранительных органов избранных зарубежных стран).

10. Права и свободы человека в России не защищены и сознательно нарушаются властью и людьми по отношению друг к другу; это происходит чаще, чем в «цивилизованных» странах. Средства — как в п. 8, 9.

11. Высшие иерархи православной церкви в России запятнали себя в давнем прошлом сотрудничеством с КГБ, в последние годы — бессовестным использованием рыночных механизмов для получения прибыли, при этом государство односторонне поддерживает именно православную церковь, нарушая тем самым Конституцию. Средства — как в п. 7–9.

12. Уровень развития России крайне низок. Средства — подчеркивание реального (достаточно часто) или мнимого технического превосходства «цивилизованных», «развитых» стран, частое, вызываемое или не вызываемое сюжетной необходимостью использование этих терминов для характеристики стран при их сравнении с Россией, одностороннее, часто искаженное толкование разного рода международных сравнений в образовании, науке, культуре. Так, часто подчеркивается «молодость» демократии в России, причем «забывается» о том, что в России крепостное право было отменено в 1861 году, а рабство в США — в 1867, что до середины 1950-х годов расовое неравенство было реальным и жестким фактом в США, что вполне преодоленным его на бытовом уровне нельзя считать и сейчас.

13. Между странами СНГ имеются непреодолимые противоречия, обусловленные историей российской и советской империй, имперскими «замашками» современной России. Средства — односторонняя интерпретация исторических событий, «забывающая» об огромной помощи России в развитии многих бывших губерний и республик СССР и делающая акцент на других фактах (напри-

мер «оккупация» прибалтийских стран Советским Союзом).

14. Российская власть неэффективна еще и потому, что расколота. Имеются непреодолимые противоречия между центром и регионами, между ветвями власти, а также в тандеме «Медведев—Путин». Средства — подбор сюжетов, допускающих интерпретацию в этом духе реальных событий, бесконечное повторение соответствующих сюжетов в ток-шоу.

Приведенные выше идеологические послы каждый человек легко подтвердит, анализируя собственный опыт чтения, просмотра телепередач и рекламы, слушания радио. Причем даже не надо обращаться к зарубежным и иноязычным источникам — некоторые российские радиостанции и каналы телевидения демонстрируют то же самое. Причем хочется еще раз подчеркнуть, что у автора нет намерения «хулить» и «чернить» авторов, комментаторов, телеведущих, актеров, задействованных в этой работе. Это именно работа, которую люди делают, всегда так или иначе отвечая себе на вопрос: «С кем вы, мастера культуры?», а можно было бы сказать, расширительно понимая М. Горького: «С кем вы, гуманитарии?» При этом не имеет значения, оплачивается ли эта работа (чаще всего, конечно, оплачивается) или же выполняется «на общественных началах».

Рассматривая с приведенных выше позиций гуманитарное знание и действие, попробуем разобраться, чего же все все-таки мы можем ждать от глобализации в культурной сфере, какие надежды, как уже ясно, не оправдались, а что, может быть, нам не очень и нужно, даже вредно.

Видимо, можно и нужно ожидать относительно мирного сосуществования в культурной сфере и сфере человеческих взаимоотношений. Частично в результате глобализации, интенсификации обменов и общений, частично в результате понимания огромной мощи потенциала разрушений, накопленного человечеством, который сметет все, весь мир, если идеологическое противостояние превратится в холодную войну с перспективой перехода в «горячую». Но и над этим нужно работать, и все, что связано с терпимостью к другому человеку, другой нации, другому государству, другому мировоззрению (толерантность), способствует успеху. Как — описано в сотнях работ. С другой стороны, фундаментализм любого толка успеху мешают. И, конечно, при всех разговорах о глобализации, диалоге цивилизаций и культур, дружбе народов, при всех полезных шагах в этом направлении важно помнить то, что просто и понятно выразил еще Александр III Миротворец (Миротворец! — *Н. Н.*): у России только два союзника — ее армия и ее военно-морской флот. Ведь идеологические расхождения России с другими странами были до 1917 года, были после, есть и будут. Современная военная доктрина нашей страны при ее мирной направленности также фактически признает военные риски, есть риски и в социальной сфере¹. Но работать надо над тем, чтобы эти риски смягчал диалог культур.

¹ См.: Стратегические риски России / под ред. Ю. Л. Воробьева. М., 2005.

Он, безусловно, возможен и необходим, и при условии взаимной терпимости приводит к взаимному обогащению. Здесь вряд ли нужны особые обоснования, достаточно вспомнить остроумное сравнение Б. Шоу: «Если у меня и у Вас есть по яблоку, и мы ими обменяемся, то у каждого останется по яблоку. Но если у меня есть идея, и у Вас есть идея, то при обмене у каждого будет по две идеи». Прекрасный и очень конкретный вариант диалога культур и цивилизаций показан в интересном сборнике «Диалог цивилизаций»¹, а также во всех сборниках «Лихачевских чтений». Такой диалог возможен и необходим и в образовании.

Если иметь в виду современный мир, то особенно интересно проследить его с 1950-х годов, когда начался регулируемый процесс сближения систем образования, перешедший много позднее в Болонский процесс. Но с самого начала и позднее практически во всех документах Болонского процесса подчеркивалось, что лучшее и оправдавшее себя в национальных системах образования должно в них быть сохранено. Именно несоблюдение этого принципа обусловило весьма малый энтузиазм европейцев (включая итальянцев) по отношению к Болонскому процессу и сомнения многих россиян в его полезности. Помимо политического и научного варианта диалога возможна и эффективна народная дипломатия, широкое общение граждан разных стран по самым разнообразным вопросам. Опыт показывает, что даже при военных и дипломатических осложнениях такое общение, хотя и затрудняется формальными ограничениями, обычно не приводит к реальному ухудшению отношений между людьми.

Нельзя, полагаю, даже не нужно думать о глобальной культуре, которая невозможна по причине экономического, политического и идеологического соперничества. Конечно, можно все свести к формуле единства в многообразии. Но тогда мы уже, как господин Журден у Мольера, не знаящий, что всю жизнь говорит прозой, и так живем в этом состоянии. Троица едина в трех лицах, СССР был един в 15 разных республиках, Россия едина в 88 разных субъектах, Европа едина в десятках весьма разных стран, музыка едина в разных жанрах и т. д. И каждое единство, каждая целостность защищает себя от других единств и целостностей, причем уже не на философском, а на вполне конкретном уровне. Достаточно, например, посмотреть на кары французского законодательства за несанкционированное использование не французского (прежде всего английского) языка в рекламе, кино и так далее («закон Тубона» 1994 года — по имени французского министра культуры и французского языка — да, именно так назывался этот пост: *ministre de la culture et de la francophonie*, который занимал Жак Тубон. — *Н. Н.*). И если помнить, что основой культуры является язык, то призывать к глобальной культуре означает призывать к глобальному языку, что вряд ли защитимо на рациональном, еще менее на эмоциональном уровне.

Очень показательным примером является то, как редко американцы говорят теперь о «плавильном котле», который формирует единую американскую нацию, американского «нового человека». Этот термин (*smelting pot*, потом *melting pot*) существовал в таком понимании уже с XVIII века, когда США воспринимались как своего рода новая обетованная земля, где будет воспитан и новый человек. И этот термин, над которым в его советском понимании много смеялись критики советской социологии и педагогики в 1990-е годы, тоже существовал в США с давних времен (*American new man*). Но *tempora mutantur et nos mutamur in illis* — «времена меняются, и мы меняемся в них», как говорили еще древние римляне. Идея плавильного котла ушла, языковых и культурных проблем в США много как никогда раньше. Небеспроблемна эта ситуация и в России, нам тоже впору принимать меры к защите русского языка, поскольку закон 2005 года № 53-ФЗ, хотя и составлен весьма похоже на соответствующий французский, работает не очень надежно.

И в заключение вернемся к началу статьи, к ее заглавию. Мифом, конечно, является не сама глобализация — это объективное явление, если понимать ее как процесс и результат умножения и усиления разнообразных связей между цивилизациями, государствами, нациями, обществами, общественными группами и людьми. Мифом является понимание глобализации как своего рода плавильного котла по образу и подобию ушедшего в небытие американского, в котором якобы все перечисленные выше субъекты когда-то сольются, «переплавятся». Так, собственно, вопрос в явном виде и не ставится, но, если использовать компьютерный термин, «по умолчанию» мы — якобы — на этом пути. Может быть, это идеал, который, как всякий идеал, полностью не достижим, но желателен? Однако если использовать другую аналогию, так мы приходим к первобытному хаосу, энтропии, неупорядоченности, дезинтеграции связей, поскольку исчезнут реальные субъекты этих связей. Если кто-то не любит упоминания имени Маркса, то и по Гегелю без различий, несходств и противоречий нет развития. Это к вопросу не только о достижимости, но и о желательности так понимаемой глобализации.

Соответственно и глобальная культура есть миф, хотя вполне реальными являются диалог культур, как и диалог цивилизаций. И вот здесь — реальное поле сотрудничества, совместного действия на различных уровнях — государства, общества, различных сообществ в России и вне ее.

Литература

- Танган С. А. Неолиберальная глобализация. Кризис капитализма или американизация планеты? / С. А. Танган. М., 2004.
- Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting / D. Bell. N. Y., 1973.
- Bell D. The cultural contradictions of capitalism / D. Bell. N. Y., 1998.

¹ См.: Диалог цивилизаций: базовые концепты, идеи, технологии / рук. проекта С. Фарах; общ. ред. О. А. Колобова. Бейрут; Н. Новгород, 2006.